

- из дневника неизвестной балерины-

Я сидела у окна и смотрела, как молодые ребята садились в трамвай. "Знаю, куда они..." - в моей голове было очень мало мыслей. Уже вторые сутки мое тело не могло меня слушаться, я боялась потерять форму из-за волнения, тревоги, шипящего радио, которое работало целыми сутками, передавая новости с фронта. Моя комната стала серой, пыльной, порой было тяжело дышать. У меня не было сил начать уборку, потому что я совсем скоро покину это место и здесь будет пусто.

Мы уезжаем в город Чкалов, позавчера это было сказано на общем театральном собрании. Сколько я уже слышала рассказов о том, что происходит на перронах, как люди меняют все, что только можно на еду, сахар, мыло. Дорога будет тяжелой и все это знали. Мне страшно.

Я уже собрала свои вещи и не знала чем занять себя до утра. Мне на глаза попался наш семейный фотоальбом. Там была общая семейная фотография с мамой, папой и братом. Он ушел на фронт месяц назад. Писем он не писал, так как обещал вернуться как можно быстрее. Пока перебирала фотокарточки, вспомнила, как Миша стоя аплодировал на моей последней премьере, это было еще в мае... до войны... каких-то четыре месяца назад. Я слышу его голос во сне. Думаю, правду говорят, что близнецы могут слышать друг друга за сотни километров. После смерти родителей мы остались одни, но всегда были вместе. Сейчас я не знаю где он, но верю - он жив. Когда кончится война, я увижу его на своей новой премьере в нашем театре, может быть, тогда я уже стану примой.

Сегодня утром мне позвонили из театра и попросили приехать на последнее собрание. Ночью мне не спалось и возникло чувство тревоги, которое, к слову, меня не покидает до сих пор. Я чувствую, что-то произойдет. Я вышла в своем любимом габардиновом пальто без зонта под морозящий дождь. До театра я дошла пешком, раздумывая о том, какая будет тяжелая дорога. При входе я сразу встретила Бабу Ньюру, видимо, она до сих пор приходит два раза в день убираться.

"Нина, Нина! Пойдем сюда" - до боли знакомый голос, который я не смогла вспомнить. Это была Ольга - прима нашего театра. Мы присели с ней на кресла у стеклянного столика в буфете. Там играла классическая музыка. Она что-то говорила, я не понимала о чем она ведет речь, но было видно, что она

расстроена: "Я остаюсь в Ленинграде, Нин. Понимаешь, моя мать не хочет покидать родной город. Сколько она здесь пережила, я не могу ее оставить одну" - она положила свою легкую руку мне на плечо, прижалась к щеке и я обняла ее черным шелковым рукавом. Мне стало не по себе и я решила немного посидеть. На самом собрании я узнала, что много кто принял решение не покидать город, кого-то забирают на фронт, кто-то остается, потому что не может оставить родных. Я решила ехать.

Вчера писать было нечего. Я просидела за любимой книгой весь день. Сегодня 22 августа 1941 года. Мы отправляемся в Чкалов.

Перрон был забит людьми. Меня не покидало чувство тревоги, потому что я боюсь вокзалов. Мы сели в наш вагон, за нашим сразу следовала теплушка женами солдат. Я недоумевала, почему жены тех, кто защищает нашу Родину едут в таких условиях в эвакуацию. Я была готова отдать свое место каждой из них. На завтрак нам дали 500 грамм хлеба и порцию гуляша. Все наши концертные одежды, декорации были в товарных вагонах. Целый час дороги мы слушали шипящее радио. Все сидели в тишине, трудно было что-то говорить, когда получаешь грустные вести с полей сражений. К вечеру все оживились, начали говорить о тех, кто остался, периодически шипело радио на мелких станциях. Помимо нашей примы в Ленинграде остались Ваня и Коля наши веселые, но талантливые скрипачи, Анна Леонидовна, наш хореограф и мой учитель, в силу возраста она побоялась, что не перенесет дороги, действительно очень тяжелой дороги. Я буду по ней скучать. Осталось еще некоторое количество актеров, балерин, именитых режиссеров и музыкантов. И на миг подумала о том, нужен ли в Чкалове театр оперы и балета...

Ночью резко зашипело радио. Мне снова приснился кошмар. На сердце стало не спокойно, что-то случилось. Мы стояли на какой-то станции, многие вышли покурить, потому что стоянка была долгой. Решив, что утром мне станет лучше, я отвернулась к стенке и уснула.

Проснувшись я только утром, видимо я сильно переволновалась ночью и простудилась. Увидев, что я проснулась, моя подруга Лиза Герасимова показала мне лежавший на столе завтрак. Холодный чай 500 грамм хлеба и тертая морковь. Я серьезно проголодалась и за три минуты все съела. Вечером будем в Чкалове.

Мы приехали, но нас не встретили. Все декорации и вещи для выступлений

отвезут в здание, которое займет наш театр. Нас распределили жить по местным. Позже нам сказали, что мы будем жить по распределению вместе с местными. Я буду жить у старушки, которую зовут Паулина Никитишна. Она груба и не приветлива, но я согласилась ей помогать по дому. Дома все одноэтажные, вросшие в землю, цвета пыли, что была у меня в комнате.

Я привыкаю к жизни в этом городе. Чем-то он напоминает Ленинград, но не пойму чем. Здесь красиво ночью, пыльные улицы теплой ночью становятся более интересными. Здесь у Паулины Никитишны есть огород, она сказала, что будем собирать урожай и закатывать на зиму то ли огурцы, то ли помидоры. Не помню, но я сказала, что все, что от меня потребуется, я сделаю.

Я не писала целых три дня из-за большого количества работы в огороде, для меня это в новинку. Старушка стала добрее и называет меня "балурунка", кажется, это ласковое прозвище на чкаловский манер. Театр начнет репетиции в середине сентября, о начале которых нам сообщат.

Сегодня вечером пришел почтальон. Он протянул три похоронки Паулине Никитишне. Я стояла за углом, но почувствовала, как в комнате стало холодно. У нее два сына... было. Сначала она ушла в комнату, побледневшая, сразу постаревшая еще лет на десять. А после пришла ко мне и мы сели на кухне. Она посмотрела меня своим пустым взглядом и протянула третью похоронку. Я сначала подумала, что это кому-то нужно отнести, но ее мне нужно было оставить у себя. Мой брат погиб... Я плакала всю ночь и поняла, что я тоже умерла...

Уже второй день старушка не встает с кровати, она себя никак не чувствует... никак. Ухаживая за ней, я отвлекаюсь от мыслей о смерти брата, но чувствую пустоту внутри себя.

Паулина Никитишна умерла на третий день.

В театре начались репетиции новой потсановки, я отказалась от роли. Мои ноги ослабели, мое тело просто не способно больше танцевать. Нельзя оставлять дом Паулины Никитишны, огород и хозяйство в целом. Сославшись на серьезную болезнь, я ушла из театра. Теперь я каждый божий день вспоминаю свой кошмар в поезде. В тот момент я почувствовала, что я осталась совсем одна.